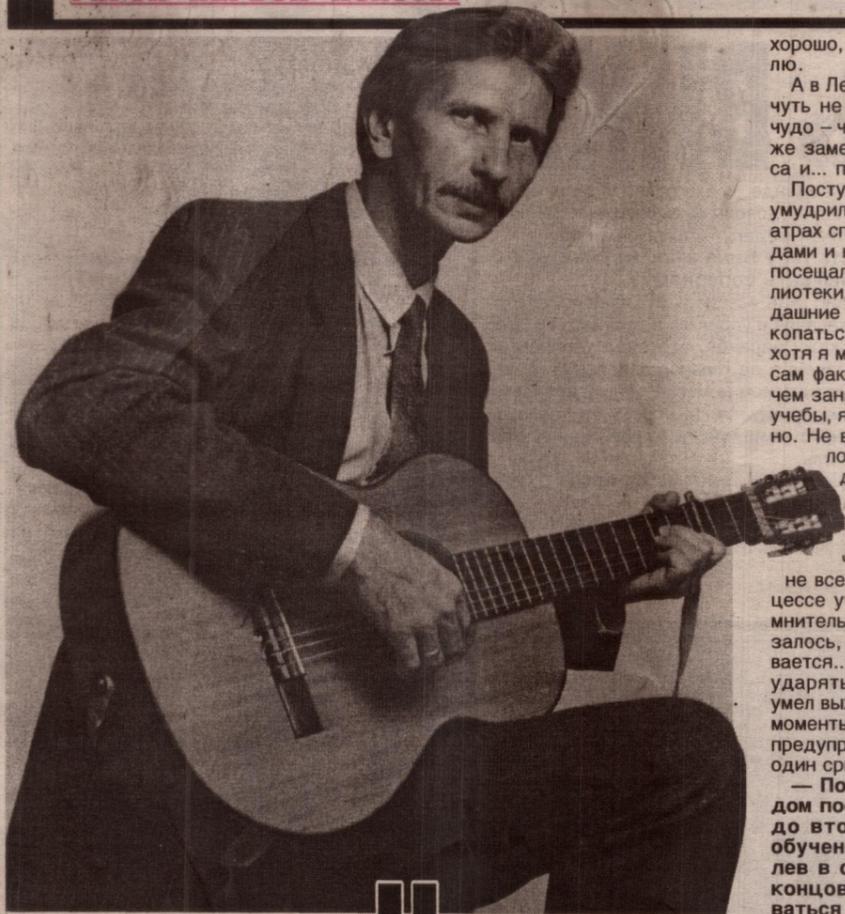

ГЕРОЙ ПЕРВОЙ ПОЛОСЫ

Рискуя угодить в разряд журналистов, оперирующих заезженными штампами, скажу без обиняков: на мой взгляд, он все-таки настоящий идальго из знаменитого романа Сервантеса. И дело тут вовсе не во внешнем сходстве, о котором говорят многие. Просто прослеживаются в переплетении путей-дорог, по которым довелось пройти за три с лишним десятка лет творческой судьбы артисту Магнитогорского драматического театра им. А. С. Пушкина Игорю Кравченко, явные аллюзии со странствиями благородного рыцаря Дон Кихота Ламанчского.

Присутствует, к тому же, в его отношении к жизни нечто романтически возвышенное. Да и сама профессия актера, согласитесь, как никакая иная располагает человека к умению силой собственного воображения и безграничной веры в то, что именно так и есть на самом деле, превращать на глазах зрителя заржавленный меч в грозное оружие, невзрачную ткань — в шелк и бархат, и в нелепости ситуаций видеть философское обобщение жизни.

Хотя сам Игорь Петрович считает, что все аналогии с рыцарем печального образа, не раз звучавшие в публикациях, посвященных его недавнему юбилею, были созданы исключительно силой воображения журналистов.

— Они, — говорит, — просто ассоциируют меня с работой над мюзиклом «Человек из Ламанчи», которая идет в театре сейчас. А так, мне приходилось играть в театре немало типажей. Того же Шмагу из «Без вины виноватых», инженера Женю в «Мы идем смотреть Чапаева». Были герои Чехова, был Гоголь из наших «театральных уроков» для школьников, был озорной эльф Пэк из феерического «Сна в летнюю ночь»...

— Тогда скажите, пожалуйста, при таком «разбросе» сил режиссер является для вас непрекормаемым авторитетом, мысли и волю которого вы должны воплотить на сцене, или неким генератором идей, в союзе с которым вы эти идеи воплощаете в жизнь?

— Последний вариант, по части «генератора идей» и «союза», был бы идеальным. При всей зависимости профессии, я не умею работать с режиссерами-диктаторами. Иногда приходится это делать, но от такой работы не получаешь удовольствия. Лет 20 назад мне нравилось репетировать гораздо больше, чем играть спектакли. Со временем я не то чтобы кардинально изменил свой взгляд на вещи — просто спектакли являют-

ся для меня теперь продолжением репетиций. Я стараюсь не «закреплять» роль на однажды достигнутом уровне. Возможно, не всегда это получается, но тут уж судить зрителю.

— Ну хорошо, а как драматический театр возник в вашей жизни? Вы на сцену стремились сознательно или судьба так повернула?

— Сначала судьба повернула. Потому что всерьез-то я собирался поступать после школы на истфак МГУ. Даже занимался в старших классах на каких-то заочных курсах — писал контрольные и сочинения. Хотел археологом стать, чтобы что-то искать и найти. Очень меня интересовали древние греки, египтяне, индейцы племени Майя... Но, приехав в столицу, я вдруг решил параллельно попытать счастья во всех театральных вузах Москвы, благо сдачи документов на первый тур там не требуют. И тут, как говорит современное поколение, сразу же и «обломался» — не прошел никуда. С истфаком тоже вышла незадача: историю я сдал на «пятерку», а на сочинении, в результате экзаменационного стресса, умудрился допустить грубую «политическую» ошибку — перепутал Ленина с Зиновьевым...

— Почему же вы, с таким трудом поступив в институт, дойдя до второй половины III курса обучения, столько раз преодолели в себе депрессию, в конце концов, все-таки уехали доучиваться в Воронеж?

— Просто в определенный момент произошло крушение идеалов. Мне, правда, в то время было уже за 20, но, как говорится, никогда не поздно что-то переосмыслить и понять заново. В общем, мне необходимо было уехать из Ленинграда.

Сначала, конечно, отправился в Москву. Там в Щукинском училище меня обнадежили: сказали, что возьмут «с понижением» опять на III курс, поскольку что-то я не успел к тому времени сдать. А когда я уже забрал документы из института, в училище почему-то решили сделать вид, что вообще видят меня впервые. Затем заявили, что я уже, практически, готовый артист «ленинградской» школы. Переучить меня невозможно. Хотя, на мой взгляд, все эти рассуждения на счет «московской» и «ленинградской» театральных школ — выдумки, может быть, слегка подкрепленные какими-то рассуждениями о частностях. Суть-то профессии остается неизменной, и потому актеру необходимы основные навыки и понимание того, что ты хочешь выразить на сцене... Словом, я оказался один в пространстве...

А в Воронежском институте искусств, который на тот момент существовал уже два года, театральный факультет был основан в свое время московскими профессорами. И его декан, увидев меня в Щукинском училище, предложил идти к ним на II курс...

— В общем, вместо положенных 4-х лет, вы обучались профессии в полтора раза дольше.

— Да, но с III курса я уже начал играть в спектаклях Воронежского ТЮЗа. Причем первая роль мне досталась в массовке — мы с однокурсниками играли в пьесе о юности Ленина студентов Казанского университета. Тогда главный режиссер театра обратил на меня внимание по очень простой причине — я знал несколько песен тех лет и пел их в спектакле. После этого он нашел для меня еще несколько эпизодических ролей. А уже на IV курсе в дипломном спектакле «Моя любовь на III курсе» («Лошадь Пржевальского») по пьесе Михаила Шatroва, я получил роль комиссара Стройотряда Алеши. Тогда еще были модны встречи со зрителями, и на одной из них какой-то молодой человек сказал, что пришел на этот спектакль просто из любопытства. Но мой герой в нем что-то изменил.

— Так я остался в Воронежском ТЮЗе. И за первую же работу стал

лауреатом Всероссийского конкурса национальной драматургии. После этого конкретно на меня был поставлен спектакль «Три мушкетера», в котором я сыграл Д. Артаньяна, что для меня в то время было весьма «масштабно». Хотя по большому счету, роль эта, кроме азарта молодости, темперамента и умения двигаться на сцене, больше ничего и не требовала.

— И вот так, успешно отработав по окончании института в Воронеже, вы каким-то образом очутились... в Магадане.

— Да нет, все было гораздо проще, чем вы думаете. Еще работая в ТЮЗе, я показавшись однажды главному режиссеру тогда еще Куйбышевского академического театра драмы. Он пригласил меня к себе на работу, но тут главный режиссер Воронежской драмы вдруг заявил, что на работу к себе берет меня он, хотя ни о чем таком раньше и речи не шло. Словом, в Куйбышев меня не отпустили. А перевестись в Воронежский драматический театр я не смог по причине действия в то время положения о молодом специалисте, согласно которому обязан был отработать по месту распределения положенных три года. Поездки в Министерство культуры и обивание порога областного управления культуры никакого результата не дали, хотя в драматическом театре я уже начал репетировать роли в двух спектаклях...

Вот тогда, плюнув на все, я и сказал, что в ТЮЗе работать не буду. Отыграл последний сезон и в отпуск поехал в Ленинград, где встретил случайно давнего знакомого — Юлия

— Но именно тогда, в первые годы работы на новом месте, вы в журнале «Театральная жизнь», говоря о магнитогорской сцене, заявили, что пока недовольны ни одной из сыгранных здесь ролей. С тех пор что-то изменилось?

— Поначалу, действительно, не было причин быть довольным самим собой. Я, кстати, собой, очень часто недоволен — это нормально... Роли, которые согрели сердце, появились позже. Причем независимо от того, удался или не удался сам спектакль. Например, «Мы идем смотреть Чапаева» имел очень короткую судьбу, но роли, на мой взгляд, у всех исполнителей там были хорошие. За «Яблочную леди» нас разругала на фестивале критика, но, когда Томский театр попросил выступить в том же жанре, их спектакль оказался намного хуже... В общем, поводов быть довольным собой и своей работой у меня сейчас гораздо больше, чем было в самом начале...

— Семья у вас театральная. Ваша жена Татьяна Александрович играет в одном с вами театре, иногда даже в одних спектаклях. Не создает это в жизни некоего психологического утомления?

— Думаю, у меня было бы гораздо больше трудностей, если бы Таня не была актрисой. Потому что далеко не каждый человек может понять специфику нашей профессии и требовать подчас от супруга или супруги в быту невозможного.

Идальго, сотни лет спустя...

Гриншпуна. Он как раз в тот момент стал главным режиссером Магаданского музыкально-драматического театра и... я отправился с ним. Более активного в творческом плане периода у меня больше, пожалуй, никогда не было. В первом же сезоне я сыграл шесть главных ролей! Там были замечательные труппы — и драматическая, и оперетты — существовавшие под одной крышей. И спектакли были хорошие. Но все это я оценил позже, уже в Душанбе, в театре им. Маяковского...

— А Душанбе после Магадана — это не экстремальный перепад температур?

— Конечно экстремальный. Мы там с женой в первый год окна в квартире не закрывали вообще, даже зимой. Соседи так и говорили: «Ну вот, магаданцы приехали...»

Мне как человеку, с детства любившему историю, увлекавшемуся литературой, поэзией, Древний Восток очень нравился. Бухару, Хивы, Самарканд я знал по иллюстрациям и по книгам. Так что было интересно побывать там, увидеть все собственными глазами.

— И ради этого хороший театр в Магадане бросать не жалко было?

— Но я ведь не собирался всю жизнь провести в Магадане — он находился слишком далеко от родных для нас с Таней мест, так что уезжать рано или поздно все равно пришлось бы. В Душанбе мы отработали пять с небольшим сезонов, из которых полтора — в театре «Полуостров». Причем, когда начались известные события, мы с женой стали, фактически, инициаторами отъезда театра из города. Просто, когда началась вся эта стрельба и пролилась первая кровь, мы сказали Ахадову, что намерены уехать. На что он заявил, что делать это надо всем вместе. И начал искать город, где мы в то время были бы нужны.

— Не одолевали сомнения? Ведь ехали-то, практически, на пустое место — Магнитогорский драматический в то время вообще закрывали собирались.

— Нет, не одолевали. Во-первых, нас здесь замечательно приняли — всем дали жилье. Во-вторых, мы начали строить в этом здании новый театр. И зритель стал ходить на наши спектакли, на спектакли театрального фестиваля... Так что вопросов «а зачем?», «а кому все это нужно?» как-то не возникло. Все получилось так как надо.

— А творческой ревности друг к другу временами не возникает, когда кому-то и ролей дают больше, и удаются они ему лучше?

— Да боже упаси. Только радость. Был, кстати, период, когда Татьяна оказалась, действительно, гораздо больше меня занята в спектаклях и получила тогда фантастические отзывы на роль, сыгранную ею в «Дорогой Елене Сергеевне». На фестивале театров Казахстана и Средней Азии, проходившем тогда в Алма-Ате, она удостоилась специального приза критики и была признана лучшей актрисой региона. Позже у Тани, на мой взгляд, были великолепные работы в спектакле «Вера. Надежда. Любовь» — я это говорю не как муж, а как зритель.

— Хорошо, два актера в вашей семье уже есть. Дочь Ксюша не собирается продолжить актерскую династию?

— Она учится на IV курсе худграфа Магнитогорского университета. Хотя, думаю, могла бы попробовать свои силы на сцене. Запросто. Когда-то, во время домашних репетиций одного из спектаклей, где мы играли вместе с женой, Ксюша нам великолепно подыгрывала, подавая реплики. Она же выросла в театре и хотела в свое время тоже стать актрисой. Но мы ее потихоньку отговорили. Это ведь очень нелегкая профессия.

— В чем же тогда заключается ее неизменная притягательность для молодежи? Конкурсы-то в театральных училищах не снижались даже в самые экономически суровые для театров времена.

— В нашей профессии, действительно, изнашиваешься, как ни в какой другой. Она, думаю, должна стоять в первой «тройке» самых опасных для жизни. Но согласитесь, что мы, люди, даже вырастая, отчасти остаемся детьми. Нам по-прежнему очень хочется верить в чудеса. А сцена создает некую иллюзию другой жизни. И еще, как мне кажется, большинство из нас, осознаем мы это или нет, стремимся к первенству, к власти над другими. Актер же, выходящий на сцену, получает подлинную власть над зрительным залом, заставляя людей плакать и смеяться, переживать и верить в чудо. Разве такие мгновения не стоят целой жизни!...

Беседовала Вера ЗАСПИЧ.
Фото Игоря ПЯТИНИНА.